

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1025-1033. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1025
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Traditions of the Military Service Group in the Investigation Materials of the (Un)baptized Kalmyk, 1746: the Experience of Social Regulation in the Russian Empire

Andrey S. Ryazhev ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Department of History, Archeology and Ethnology, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the state measures relative the new (created from the 30s through the 40s of the 18th century) military service strata, especially in final years of the Empress Anna Ioannovna's reign and the first half of the Empress Elizaveta Petrovna's reign. The regulatory role of social policy of the Russian Empire in the early Modern Time influenced the inner state of the ethno-confessional groups is investigated for the first time in historiography. The proposed research bases on the materials of the history of the one of largest military service estates of mentioned years the Volga Stavropol' Kalmyks which remain generally are unknown to current day. The article based on rich sources describes the process of forming the Stavropol' Kalmyk host as result of convertation of the of a part of the Kalmyk elite led by noyon Baksadai-Dordji – Prince Peter Taishin to Orthodoxy, the christening and inclusion in the host of a number of prominent representatives of the then Kalmyk aristocracy and their entourage also traces in the article. Most attention is paid to the characteristics of social relations among baptized Kalmyks, and the preservation of traditional norms and obligations of the upper and lower levels of society is demonstrated. The research reveals the support of the existing social relations by the Russian authorities, which are focused on protecting the social privileges of the nobility, regardless of their religion. The author states in conclusion that the change of the confession did not affect the social status of new-christened aristocrats their previous horizontal connections. As result baptized and unbaptized parts of the Kalmyk nobility coexisted on equal terms, without antagonism within the complex service relationship that supported the religious policy and was the basis of Imperial political and military system.

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, Empress Anna Ioannovna, Empress Elizaveta Petrovna, convert prince Peter Taishin/Daichin (noyon Baksadai-Dordji), military service estates, ethno-confessional groups, Stavropol' Kalmyk host, social relations, religious policy.

1. Введение

Интеграция окраин выступала устойчивой тенденцией курса Российской империи в раннее Новое время. Давно установлено, что она дала себя знать в период Северной войны в отношениях верховной власти с дворянством – корпорации остзейских нобилей включились в его состав с гарантиями привилегий и вероисповедной автономии (Зутис, 1946). В наши дни сделан следующий шаг: показано, что более широкую сферу, определявшую место недворянских сословий в военно-политической системе, имперский «интегризм» охватил позже, в 30-е гг. XVIII в. (Азнабаев, 2005: 173-193).

Государство решало тогда на окраинах задачу пополнения иррегулярных войск новыми контингентами (Годовова, Васильев, 2019: 9-11) и потому допускалась толерантность. Но имел место и иной процесс – насаждение христианства, создание групп новокрещенов с закреплением их

* Corresponding author

E-mail addresses: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryazhev)

сословной и этноконфессиональной специфики. Отсюда вопрос о соседстве подобных тенденций актуален и требует изучения, особенно с учетом того, что веротерпимость вскоре превратилась в важную часть политики монархии.

Крупнейшей служилой группой выступали крещеные калмыки. Принятие калмыками христианства, особенно низами, к тому времени приобрело известный масштаб: последним оно давало разрыв с прежними обязательствами и личной зависимостью. С конца XVII в. крещеные калмыки охраняли границу на слободских землях близ г. Чугуев. В указанное время пришел черед нести повинность новому воинству – ставропольским калмыкам.

Центром их размещения в 1737–1738 гг. была избрана крепость Ставрополь-на-Волге. Идею создать подобное подразделение подал Баксадай Доржи, внук хана Аюки, крестившийся и получивший в 1724 г. новые титул и имя – князь Петр Петрович Тайшин. В продвижении замысла он опирался на хана Дондук-Омбо, которому помогал в ходе смуты в Калмыцком ханстве. Необходимо отметить и заслугу главы Оренбургской комиссии В.Н. Татищева, в сложный период жизни (под угрозой опалы и казни) выдержавшего уровень политической задачи (Анисимов, 2019: 317-319). В 1737 г. П.П. Тайшин умер, вместо него назначили вдову Церен Янжи, крещеную в 1735 г. при дворе под именем княгини Анны Андреевны Тайшиной, но в 1742 г. не стало и ее.

Уход родовитых калмыков, годных возглавить ставропольских поселенцев, повлек в 1745 г. реорганизацию последних – превращение в корпус под началом оренбургского губернатора для усиления оренбургских и яицких казаков. Единицей корпуса служила рота. Командиром войска состоял комендант Ставрополя. Он же возглавлял совещательный и распорядительный орган – войсковой суд, который был аналогом и ханского суда Зарго, и, по словам П.И. Рычкова, советов влиятельных казаков – «генеральной старшины». В 1750-е гг. войско оказалось наиболее крупным калмыцким образованием вне ханства и одной из самых больших иррегулярных частей, уступавших численностью лишь донским казакам (Волжские..., 2011: 30, 119). Это делает ставропольский пример репрезентативным для понимания не только курса властей в отношении аналогичных групп (нагайбаков, крещеных горцев), но и взаимодействия в государстве в конце 30–40-е гг. XVIII в. веротерпимости и христианизации.

2. Материалы и методы

Важнейшую роль в изучении истории ставропольских калмыков играют источники официального происхождения. Это, прежде всего, документы учреждений, характеризующие внутренние процессы развития войска. Для анализа социальной ситуации и вероисповедной обстановки в Ставропольском войске первостепенное значение имеет комплекс документов следствия Оренбургской губернской канцелярии по обвинению в ренегатстве крещеного калмыка Яблока Баркеева (Волжские..., 2011: 168-173, 283-284). Важны также документы делопроизводства органов управления Оренбургским краем о социальном положении верхушки Ставропольского войска и отношении властей к ее социальным претензиям (Волжские..., 2011: 51-52, 69-72, 89-92, 98-121, 174-176, 194-196, 266, 268-269, 273-280, 285, 292-293). В целом документы раскрывают контакты групп крещеной и некрещеной калмыцкой аристократии, усилия властей по налаживанию их взаимодействия на пограничной службе, и отсюда значение материалов трудно переоценить.

Опубликованное законодательство (ПСЗ) характеризует шаги государства по обустройству калмыков Ставрополя, включению их в защиту границ.

Инструментарий исследования охватил методы анализа источников и обобщения полученных данных. Анализ был направлен на повышение информативности и выявление содержательных линий между документами разного профиля. Для обобщения информации применялся проблемно-хронологический метод, позволивший охарактеризовать аспекты внутренней ситуации в войске и связанные с этим религиозные и социальные вопросы.

3. Обсуждение

В изучении ставропольских калмыков возникла традиция историографии, продолжающаяся и поныне (Ряжев, 2012б; Кабытов, Дубман, 2016: 109-112). Налицо и специальные работы об офицерском составе войска, месте ставропольских калмыков в этноконфессиональной ситуации второй трети XVIII в. на юго-востоке России (Ряжев, 2012а; Ряжев, 2016).

В 2000-е гг. в литературу вошла концепция фронта (Каппелер, 2003: 59-62), которой оказались подчиненными и труды о христианизации калмыков и кочевой миссии в улусе князя Тайшина (Орлова, 2006: 45-52; Джунджужов, Любичанковский, 2017; 2018). Имеется опыт осмысления крещения П.П. Тайшина в русле имперской политики (Sunderland, 2004: 49-52). Он восходит к концепции российского колониализма с присущей ей трактовкой движения границ на юго-восток как экспансии, имевшей к концу XVIII в. законченный западный, или европейский тип, примером чего (в ряду других примеров) и обозначен Ставрополь-на-Волге (Khodarkovsky, 2002: 206-207). Недифференцированность высказанных оценок сразу вызвала вопросы (Le Donne, 2002: 765). С тем, что политика России на «собственном Востоке» отличалась европоцентризмом, спорить трудно, но проявлялся он лишь в XIX в., и более на Кавказе, в Туркестане (Russia's Orient, 1997).

Раньше ресурсы России такого не позволяли, к тому же степная ситуация всегда складывалась отнюдь не под диктовку России, это был трудный диалог сторон (Леонтьева, 2012: 33).

Следует подчеркнуть историографическое значение издания документов о ставропольских калмыках: в нем, в частности, показано, что непроходимая граница между крещеной и некрещеной частью калмыцкого общества в раннее Новое время отсутствовала (Волжские..., 2011: 38). К этому нужно добавить то, что для определенной части калмыцкой верхушки выбор между христианством и буддизмом в борьбе за власть в степи имел альтернативу: влияние мусульман в Калмыцком ханстве для XVIII в. – ненулевая величина (Kitinov, 2016: 41).

4. Результаты

Прежде всего, о расследовании Оренбургской губернской канцелярии, материалы которого и легли в основу данной работы: 20 июня 1746 г. ставропольский ротмистр Данила Дерету подал в канцелярию «доношение» о задержании крещеного калмыка Яблака Баркеева и «об отдаче оного калмыка ко мне». «В прошлом 1736 году в вешное время», – указывал офицер, – «помянутой калмык Яблак» бежал от Дерету и принял православие: «Ушед из Калмыцкой орды (ханства – Авт.), ведомства моего зайсангства улуса Цатала..., в Астрахане и крестился з братом своим... Габайгом, с которого времени я ево нигде не видывал, но сего июня 10 числа... в Оренбурге... усмотрел на базаре...». На очной ставке, проведенной 9 июля, офицер добавил подробности побега: «Оной де калмык Ибалак Баркеев с братом свои Габангом подлинно в Астрахани крещен, бежав из их Калмыцкой орды с отцом и матерью...». Родители беглецов, «когда он, Деретю, еще в той орде был..., в Астрахани померли..., и как де он, Деретю, из орды в Астрахань для обыску их приехал, и... оного Ибалака нашед, хотел их обоих взять обратно в орду...». Однако беглецы, став христианами, по закону не подлежали возврату: «он, Ибалак, ему, Деретю, сказал, что он и з братом крещен, и показывал... крест, почему де он их в орду и взять не мог и паки один возвратился...» (Волжские..., 2011: 168, 170).

Увидев своего человека теперь, ротмистр начал розыск: «...поехал о том объявить... войсковому есаулу Григорью Даши Замсе, и 11 числа сего ж июня с... есаулом тем... спрашивали у... яицких казаков атамана Федора Карманова, где... Яблак находится...». Но тот, видимо, почуяв недоброе, скрылся: атаман «объявил» о нем, что «живет при Яицком войске, а сего де июня 12 числа уехал возвратно...». Повод для розыска нашелся такой, что Яблак Баркеев жил бок о бок и служил в Яицком городке с некрещеными калмыками, скрыв прежнее крещение, встретив же бывшего хозяина, который ныне тоже крещен, и не желая разоблачения, может бежать. «Того ради, – настаивал Дерету, – всепокорно прошу, дабы повелено было о сыску оного калмыка Яблака здесь в Оренбурге помянутому атаману Карманову объявить, и естли... заподлинно уехал..., то о присылке... послать указ...». (Волжские..., 2011: 168, 283).

Обвинение звучало серьезно, и Оренбургская канцелярия распорядилась «к Войску Яитскому послать указ, велеть показанного калмыка..., отыскав, для исследования о нем, как он крестился и потом от... крещеных калмык отлучился, и в каком состоянии ныне живет, то есть не отринул ли он от той восприятой веры, прислать сюда... под караулом...» (Волжские..., 2011: 169-170).

Яблака взяли и доставили, но дело вскоре зашло в тупик: казак наотрез отказался признать обвинение Д. Дерету. На допросе в Яицком городке «он, Ибалак, показал, что брата ево, которой [якобы] с ним крещен и живет в Яитском городке, зовут Генбенем, а не Габангом... и что де он, Ибалак, ... улуса не Цатана и не ево, Деретю, ведомства..., что подлинно де он в Астрахани крещен не был и показанного де Деретю в Астрахани он не видал, и яко был крещен не сказывал и креста не показывал..., и в Яицком де городке он, Ибалак, крещеным себя никогда не называл» (Волжские..., 2011: 171-172).

Ротмистр настаивал на своем: «...Он, Деретю, ссылается на Астраханскую губернскую канцелярию, в которой, уповает, что крещеным калмыкам реэстры имеются, и сверх же того про то ево, Ибалака... крещение знают ставропольские... зайсанги Николай Пюрбу да... войсковой ясаул Григорей Дайши Замсо, и в том на них шлетца...». Категорически отвергал он и попытку беглеца отрицать прежнее социальное состояние: «...а что де он, Ибалак, показал..., то де... напрасно, а подлинно оного брата ево зовут Габангом, а Генбенем де разве того брата зовут, которой не крещен и был в орде, и что де... Ибалак, показывает, якоб он улуса не Цатана..., но улуса Охабама и ведомства зайсанга Дондупа, то де... напрасно, но подлинно улуса оного Цатана и ведомства ево, Деретю, природной...». К тому же ранее на следствии «оной Ибалак», подчеркивал Дерету, соглашался с тем, что «...был улуса дяди ево, Деретю, Геге Менко...», в чем может уверить и отец Данилы Дерету: «...после смерти... дяди оные ведомства по наследству достались отцу ево, Деретю, зайсангу Дюренгу...» (Волжские..., 2011: 171).

Подобное расхождение повлекло очную ставку. На ней «Данила Деретю показал то ж, что и в улике своей... и в том на Астраханскую губернскую канцелярию, тако ж и на зайсанга Николая Пюрбу и на... ясаула Григорья Дайши Замсо ссылаетца, да сверх того... ис поселенных при Чернореченской крепости калмык Лоузанг Шелен сказывал ему, Деретю, при переводчике Ерофееве, что и оной Ибалак крещен, и потому де он, Лоузанг, знает, что он, Ибалак... сам назывался крещеным...». Но на

своем стояла и другая сторона: «Балак Баркеев на очной ставке показал все то ж...», при этом и у него оказался свидетель: «...а что де он, Ибалак, по природе... не Цатанова улуса и ни ево, Деретю, ни дяди ево, Геге Менки, ведомства, но улуса Ахабомбы и... зайсанга Дондуца, в том ссылаетца на владельца, находящегося для вывода в орду калмык ныне в Яицком городке Гемчина Лубжина». Апеллировал он и к Лоузангу Шелену: «...в Яицком де городке он, Ибалак, крещеным себя никогда не называл, и в том на онго Лоузанга и шлетца...». Лоузанга Шелена вызвали на очную ставку «по общей ссылке ротмистра Данилы Деретю и калмыка Ибалака Баркеева». Свидетель взял сторону последнего: «...ротмистру Деретю он, Лоузанг, якобы оный калмык Ибалак крещен, никогда... не сказывал, и оный Ибалак крещен ли, про то он, Лоузанг, не знает» (*Волжские...*, 2011: 171-172).

Для установления истины потребовались сведения со стороны. В указе Оренбургской губернской канцелярии от 23 июля 1746 г. по этому поводу говорится: «В Астраханскую губернскую канцелярию писать промеморию..., чтоб благоволено было... со имеющимися крещеным калмыкам записками справитесь, показанной Яблак в Астрахани з братом его Габангом или Генбелем крещен был ли, и о том сюда уведоमितь...». Следовало получить сведения и от «показанного... владельца Эмчина Лубжина, коего оный Яблак улуса...». По указу надлежало выведывать исподволь: «...и зайсанга якобы того от себя, а не по указу спросить, и потом об оном также справясь, как онго Яблакова брата в Яицком городке зовут, Генбелем ли, или Габангом, сюда репортовать...». Подследственного до получения бумаг отпустили на поруки некрещеных сослуживцев – яицких казаков-калмыков (*Волжские...*, 2011: 173, 284). Чем закончилось следствие, неизвестно, данных о том, смог ли доказать Д. Дерету, что Я. Баркеев вышел из его улуса, крестился, стал ренегатом, нет.

Перейдем, однако, к основаниям претензий Дерету. До крещения он, как и заявлял на следствии, располагал зависимыми людьми. Об этом же он сообщал в доношении на имя императрицы от 2 января 1744 г. по поводу права на людей, покинувших степи, принявших православие, наряду с ним, и прибывших в Ставрополь – «собственного моего аймака тритцать кибиток, о которых никто со мной спорить не может...». На следствии Дерету утверждал: владельческие права имели наследственный характер – эти люди достались «отцу ево, Деретю, зайсангу Деренгу», а затем перешли к нему (*Волжские...*, 2011: 89, 171).

В свое время Дерету вошел в число доверенных людей П.П. Тайшина и был с ним вплоть до смерти того в Петербурге. В дальнейшем он продолжал считаться своим среди зайсангов князя, составивших в Ставрополе окружение А.А. Тайшиной. Пользовался он и расположением самой княгини. С другой стороны, Дерету, пребывая в степи, поддерживал отношения с некрещеными родственниками покойного князя.

Смерть княгини вновь поставила перед властями необходимость выбрать главного над ставропольскими калмыками. Наиболее вероятным правителем выглядел владелец Тундут, родственник П.П. Тайшина. В 1743 г. Тундут ради разрешения жить в Ставрополе приезжал в Санкт-Петербург и перешел в православие с новыми именем и титулом – князь Петр Торгоутский. Данила Дерету сопровождал его в поездке и крестился с ним (*Волжские...*, 2011: 89). Но Петра Торгоутского вскоре не стало.

Уход видных патронов – и Тайшиных, и Торгоутского – не ослабил связей Дерету с калмыцкой верхушкой, крещеной и некрещеной. Его позиции в этой среде были сильными также благодаря тому, что Дерету сохранил и привез в Ставрополь ханскую печать – пожалование Далай-ламы хану калмыков Аюке. В ходе степной смуты 1720–1730-х гг. она побывала у Петра Тайшина, затем у Петра Торгоутского, от которого и досталась Дерету (*Волжские...*, 2011: 91; *Ряжев, 2016: 51-54*). Для калмыков в целом столь важная инсигния имела сакральный характер и сообщала авторитет тому, у кого законно находилась.

Дерету, после смерти Петра Торгоутского уехавший в Ставрополь, не порывал с некрещеной родней: на очной ставке он упоминал об отце, «которой и ныне в орде находитца еще жив» (*Волжские...*, 2011: 171), так что было кому осведомлять Дерету о делах в степи. После князя Петра Торгоутского в поле зрения администрации, искавшей приемлемую кандидатуру в Ставрополь, попали еще два знатных калмыцких владельца: Чидан Дербетев, брат Анны Тайшиной, и Аюша, брат Тундута – Петра, женатый на вдове хана Церен-Дондука, после крещения – князь Павел Торгоутский. Хранителя печати Дерету оба отлично знали, и он вполне мог оказать влияние на их решение идти именно в Ставрополь. Особенно это касается Чидана, еще в 1743 г. желавшего «с улусом... по крещении жить и служить на Дону». Год спустя, приняв православие в Ставрополе, Чидан стал титуловаться князем Никитой Тайшиным, аналогичное назначение получил и Аюша – Павел. Не исключено, что Д. Дерету состоял в родстве с Ч. Дербетевым, во всяком случае, они носили одинаковую фамилию: последнего в документах также называли Дерету (*Волжские...*, 2011: 100-101, 107, 277). В этом плане решение властей направить Чидана туда, где он мог найти родственников, представляется обоснованным.

Налицо нерядовое происхождение и связь Д. Дерету с калмыцкой верхушкой, соответственно, утвержденная обычаем привычка главенствовать над простонародьем. Приезд в Ставрополь отнюдь не ослабил подобной мотивации. Сюда Дерету явился позже других из ближнего круга четы Тайшиных, и потому вакансии в войсковом суде для него уже не нашлось – их заняли ставропольские

калмыки «первого часа». Вместе с тем его положение нельзя назвать низким: ротмистры относились к узкой группе старших офицеров в номенклатуре войска. Данный чин было не зазорно иметь и детям ханской крови, что позже своим примером показал старший сын Ч. Дербетева (о нем ниже).

В структуре управления ротмистрам отводились важные функции: они возглавляли отряды войска в боях и походах. Составитель штата войска П.И. Рычков предполагал «всех крещеных калмык... на 8 станиц (рот – Авт.) разделить..., и у каждой... быть ротмистру, харунжему и ясаулу...». При этом «указ с прописанием их должностей», дабы «доброго порядка наблюдать и о всем, что когда будет происходить, в калмыцкой суд доносить», надлежало дать именно ротмистрам, отвечавшим за вверенные роты (Волжские..., 2011: 119, 175).

Строевые офицеры делились на разряды по размеру годового оклада. Двум ротмистрам первого разряда полагалось по 30 руб. в год, троем второго разряда – по 25, еще троем, записанным в третий разряд – по 20 руб. (Волжские..., 2011: 120). Ступенчатость рангов была заложена в штат не случайно. Она предполагала пополнение командного состава выходцами из верхушки «в том рассуждении, чтоб впредь из знатных людей, пребывающих во оные, вместишь и без чинов бы не иметь для избежания между ими ссор и непорядков...» (Волжские..., 2011: 119). В случае Данилы Дерету предположение осуществилось вполне: он, как мелкий душевладелец и человек известный, со связями, занял место в первом разряде, получив тем самым возможность не стоять на равной ноге с прочими офицерами, хорунжими и есаулами, особенно людьми более низкого состояния или выслужившимися простолюдинами.

Среди сподвижников П.П. Тайшина, приносивших присягу императрице Анне Ивановне накануне выдачи Жалованной грамоты княгине А.А. Тайшиной в 1737 г., Д. Дерету не значился. Не упоминался он и в более пространный перечень зайсангов того же года. Это объяснимо – списки фиксировали крещеных на то время зайсангов, Дерету же крестился позже. Но он присутствовал в списке войсковых чинов 1744 г. – получателей имущества покойной княгини (Волжские..., 2011: 52, 70, 112). Заслугой зайсанга перед властями, укреплявшей его статус, явилась передача в Иностранную коллегию ханской печати, которую желал получить наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши (Ряжев, 2016: 55, 58-59). Одним словом, место в узком кругу наиболее важных персон Ставропольского войска ротмистр занимал по праву.

Дело Я. Баркеева со всей убедительностью дает понять, что для Д. Дерету переход в православие отнюдь не нес прекращения прежних отношений господства-подчинения. Представители верхов, как правило, крестились вместе со своими людьми, родственниками (в основном по нисходящей линии) и сохраняли влияние на них. Таким же манером принял православие и Дерету, и для него добиваться сохранения за ним его людей было вполне естественным.

В этом состоял смысл названного выше доношения на имя императрицы: «Я, низжайший..., приехал ко двору Вашего Императорского Величества для восприятия святого крещения, а ныне я... отпускаюсь в Ставрополь. И понеже по приезде моем сюда (в Санкт-Петербург – Авт.) собственного моего аймака тритцать кибиток, о которых никто со мной спорить не может, в Астрахани восприяв святое крещение, пришли в Ставрополь, и ныне оными владеют приведший их... в Ставрополь двоюродной мой брат Пюрбу и собственного моего аймака человек Хашка. Того ради... всеподданейше прошу... моих собственных людей мне пожаловать ...» (Волжские..., 2011: 89). Дело Я. Баркеева показывает: своих принципов Данила Дерету держался твердо.

Ставропольская верхушка отличалась сплоченностью, и поэтому претензии ротмистра находили ее понимание. Не случайно, что встретив в Оренбурге своего человека, Дерету для возврата его в подчинение обратился к есаулу Дайши-Замсо – одному из лидеров войсковой «олигархии». На следствии Я. Баркеев отмечал сговор офицеров, обусловленный их общими интересами: «...и на показанных от него, Дерету, свидетелей ставропольских крещеных зайсанги Николая Пюрбу да ясаула Григорья Дайшу Замсо он не шлетца, понеже оные, яко одной с оным Дерету компании, показать могут всячески...» (Волжские..., 2011: 172). Он был абсолютно прав: именно сближение Данилы Дерету с той частью калмыцкой знати, которая с 1720-х гг. избрала христианство одним из орудий в борьбе за власть и привилегии в степи, а затем и за ее пределами, в том числе в Ставрополе, определяла социальные претензии, выдвинутые ротмистром в затеянном им расследовании.

В бесспорном существовании традиционных представлений в отношении простолюдей, свойственных ставропольским командирам и казавшихся им вечными, убеждает более поздний документ. Речь идет о доношении княгини Веры Дондуковой в Коллегию иностранных дел от 19 июня 1752 г. Здесь княгиня просила направить на службу в Оренбург ее зятя, ротмистра И.Н. Дербетева-старшего, «и о переводе с ним в Оренбург из Ставрополя тритцати кибиток крещеных калмык с зайсангом Федором Соломом, которые ему (зятю – Авт.) после отца его, владельца Никиты Дербетева, достались по наследству» (Волжские..., 2011: 194).

Вера Дондукова – одна из крупных личностей ойратского мира в то время. Кабардинка, с рождения носившая имя Джан, вдова хана Дондук-Омбо, она стала фактической создательницей кризиса 1739–1741 гг. в Калмыцком ханстве, причем настолько активной и яркой, что русское начальство, чтобы упрочить позиции ее противника – наместника (позже хана) Дондук-Даши, удалило ее в Москву, а затем и Санкт-Петербург. В 1744 г. она приняла православие, получив новое

имя и княжеский титул. Упомянув «владельца Никиту Дербетева», княгиня допустила анахронизм: речь идет о Чидане Дербетева, превратившегося в князя Никиту Тайшина, так что брак ее дочери со здешним ротмистром не выглядел мезальянсом – зять также происходил из ханского рода. Вера Дондукова и после крещения вмешивалась в дела калмыков, патронируя людей Дондук-Омбо, соответственно, людей П.П. Тайшина. Отсюда со ставропольской верхушкой она была связана прочно, и ее просьба о сохранении наследственного владения людьми отражает обычаи данной среды.

И, наконец, о позиции государства применительно к нравам в войске. Власти обозначили замену прежних порядков новыми. Знаменательная декларация возникла именно после обращения Дерету на Высочайшее имя, отразившись в указе Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву от 9 января 1744 г.: «...В Ставрополе освидетельствовать определенными в чины и прочими зайсанги, до кого именно те тритцать кибиток принадлежат, и то свидетельство подлинное прислать сюда, в Коллегию Иностранных дел, а между тем как теми тритцатью кибитками, так и крещеными калмыки до действительного владения и взятия с них по древним калмыцким обычаям подати, никого не допускать, ибо всех крещеных калмык надобно числить, как и чогуевских, казаками, и определенным в чины зайсангам ими только командовать...» (Волжские..., 2011: 90). Но из быта и сознания калмыцкой аристократии традиционные установки уходили нелегко, порою и вовсе не уходили. Поэтому властям пришлось мириться с сохранением прежних социальных отношений у крещеных калмыков и даже признавать их.

Логику отступления закона перед социальной практикой вполне отражает один из важнейших законов о ставропольских калмыках – указ Сената от 15 февраля 1745 г. «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оной калмыках». В нем имелась отсылка к указу Иностранной коллегии, но при этом оговаривалось, что провозглашенный принцип «только командовать» вызывает опасения, «дабы чрез то лучших и заслуженных людей фамилии в презрение и уничтожение не приходили...», чего государство допустить тогда не могло (ПСЗ. Т. 12: 314).

Пример капитуляции закона перед обычаем дала сама же Иностранная коллегия, согласившаяся на просьбу В. Дондуковой: «вышеписанному зайсангу Федору Соломому с тритцетью кибитками калмык в Оренбург перейти дозволить» (Волжские..., 2011: 194-195). Правда, губернатор И.И. Неплюев исполнение задержал. В указе его походной канцелярии от того же 2 сентября 1752 г. значится: «до переведения... тритцети кибиток калмык..., о том надлежащее рассмотрение и определение учинено будет им, тайным советником Неплюевым, по возвращении» из столицы лично (Волжские..., 2011: 196). Но случилось это лишь потому, что И.И. Неплюев всегда тормозил переводы живой силы из Ставрополя: он не желал ослаблять корпус, созданный для выполнения особых задач по защите границы на юго-востоке. В итоге незыблемость декларируемых норм ставилась под вопрос и войсковой верхушкой, и властями, смотревшими на нарушения сквозь пальцы.

5. Заключение

Государство, таким образом, охраняя прежний социальный уклад, выступало главным консерватором в новокрещенских сообществах. Ту же роль, как известно, оно играло и в отношении нехристианских обществ и этносов, давая им широкую административную и религиозную автономию. Теперь становится понятным еще одно измерение подобной роли: подбирая и сплавляя социальный материал, по разным причинам выпавший, вышедший из названных обществ, задавая ему траекторию в рамках налагаемых служебных обязательств, власти снимали общественное брожение, снижали угрозу социальной деструкции в нехристианской этнической среде.

Соответственно, крещение выступало средством адаптации этнических страт, «отколовшихся» от целого, к новым условиям, нежели разложения целого. Для социальной верхушки адаптация была предельно мягкой. Смена религии, вхождение в крещеную кочевую знать с переходом в служилое состояние (и на оседлое положение) могли быть более или менее длительными, но не нарушали прежних горизонтальных связей, не отнимали у аристократов-новокрещенцов возможности взаимодействовать с родственниками и старым окружением, не делали изгоем, не выключали из прежней жизни. Принятие господствующей религии представителями калмыцкой аристократии не задевало их социального статуса, не лишало привычного образа жизни и властвования над зависимыми людьми. Представленные выше беглые опыты реконструкции биографий зайсанга-ротмистра Данилы Дерету, нойона Чидана Дербетева – Никиты Тайшина говорят именно об этом, как и хорошо известный в науке пример жизни ханского внука П.П. Тайшина.

Рычагов же воздействия на прежнюю жизнь у новокрещенцов не возникало. Крещение не давало перевеса над некрещеной знатью, не возвышало над ней. Крещеная и некрещеная знать оставались равней, что обеспечивало их мирное, без антагонизма, сосуществование в рамках единого комплекса обязанностей, выстроенного государством. В этом для своего времени, для 30–40-х гг. XVIII в., и состояло регулятивное воздействие на этнические отряды, инкорпорируемые в состав служилого люда, имперской социальной политики.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА-А19-119011490038-5).

Литература

- [Азнабаев, 2005](#) – *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. 228 с.
- [Анисимов, 2019](#) – *Анисимов Е.В.* Дело о доносе В.Н. Татищева 1738 г. // *Quaestio Rossica*. 2019. № 1. С. 315-336.
- [Волжские.., 2011](#) – Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. Ростов-на-Дону, 2011. 320 с.
- [Джунджузов, Любичанковский, 2017](#) – *Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Миссионерская деятельность Николая Ленкевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3 (53). С. 172-191.
- [Годовова, Васильев, 2019](#) – *Годовова Е.В., Васильев И.Ю.* Обзор современных публикаций, посвященных исследованию этнического состава казачьих войск // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2019. Т. 25. № 3. С. 7-15.
- [Зутис, 1946](#) – *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. 649 с.
- [Кабытов, Дубман, 2016](#) – *Кабытов П.С., Дубман Э.Л.* О некоторых аспектах взаимодействия государства и локальных этноконфессиональных групп в истории юго-востока Европейской России (дискуссионные вопросы имперской политики аккультурации и сохранения этнической идентичности в научных трудах С.В. Джунджузова) // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2016. Т. 18. № 6. С. 106-113.
- [Каппелер, 2003](#) – *Каппелер А.* (2003). Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. № 1. С. 47-65.
- [Леонтьева, 2012](#) – *Леонтьева О.Б.* Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // *Вестник Самарского государственного университета*. 2012. № 8–2 (99). С. 27-46.
- [Орлова, 2006](#) – *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006. 205 с.
- [ПСЗ](#) – Первое полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 12 (1744–1748). СПб, 1830. 960 с.
- [Ряжев, 2012а](#) – *Ряжев А.С.* Командный состав Ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедной политике государства: от Семилетней войны до эпохи 1812 г. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 2. С. 27-32.
- [Ряжев 2012б](#) – *Ряжев А.С.* Ставропольское калмыцкое войско (1737–1843 гг.): опыт изучения новых источников // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 3. С. 13-18.
- [Ряжев, 2016](#) – *Ряжев А.С.* Судьба печати калмыцкого хана: этноконфессиональные процессы на юго-востоке России в 30–60-е гг. XVIII в. // *Magna adurguit: historia studiorum*. 2016. № 1. С. 50-60.
- [Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2018](#) – *Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V.* The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3: 970-979. DOI: 10.13187/bg.2018.3.970
- [Khodarkovsky, 2002](#) – *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington–Indianapolis, 2002. 290 p.
- [Kitinov, 2016](#) – *Kitinov B.* Shakur Lama: The last attempt to build the Buddhist State // *Buddhism in Mongolian History, Culture and Society*. Ed. by Vesna A. Wallace. New York. Pp. 37-52.
- [Le Donne, 2002](#) – *Le Donne*. John P. Michael Khodarkovsky. “Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500-1800” // *Cahiers du monde russe*. 2002. 43/4. Pp. 763-765.
- [Russia's Orient, 1997](#) – *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / ed. by D. Brower and E. J. Lazzarini. Bloomington, 1997. 368 p.
- [Sunderland, 2004](#) – *Sunderland W.* Taming the wild field: colonization and Empire on the Russian steppe. Ithaca; London, 2004. XVII, 239 p.

References

- [Anissimov, 2019](#) – *Anissimov E.V.* (2019). Delo o donose V.N. Tatischeva 1738 g. [The case of V.N. Tatischev's denunciation, 1738]. *Quaestio Rossica*. № 1. Pp. 315-336. [in Russian]
- [Aznabaev, 2005](#) – *Aznabaev B.A.* (2005). Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossijskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.). [Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (from the second half of the 16th through the first third of the 18th century)]. Ufa. 228 p. [in Russian]

- [Djundjuzov, Lyubichankovsky, 2017](#) — *Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovsky S.V.* (2017). Missionerskaya deyatelnost' Nikodima Lenkeevicha v Kalmyckom hanstve (1725–1734 gody). [Missionary activity of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate, 1725–1734]. *Novyi istoricheskii vestnik*. Vol. 53. № 3. Pp. 172–191. [in Russian]
- [Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2018](#) — *Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V.* (2018). The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842). *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3: 970–979. DOI: 10.13187/bg.2018.3.970
- [Godovova, Vasil'ev, 2019](#) — *Godovova E.V., Vasil'ev I.Yu.* (2019). Obzor sovremennykh publikatsii, posvyashchennykh issledovaniyu etnicheskogo sostava kazach'ih voisk. [Review of contemporary publications on the study of the ethnic composition of Cossack hosts]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. Vol. 25. № 3. Pp. 7–15. [in Russian]
- [Kabytov, Dubman, 2016](#) — *Kabytov P.S., Dubman E.L.* (2016). O nekotorykh aspektakh vzaimodeistviya gosudarstva i lokalnykh etnokonfessionalnykh grupp v istorii yugo-vostoka Evropeiskoi Rossii (diskussionnyye voprosy imperskoi politiki akkulturratsii i sohraneniya etnicheskoi identichnosti v nauchnykh trudakh S.V. Dzhundzhuzova). [About some aspects of the interaction of the state and local ethno-confessional groups in the history of the South-East of European Russia (debatable issues of the Imperial policy of acculturation and preservation of ethnic identity in the scientific works of S.V. Dzhundzhuzov)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN*. Vol. 18. № 6. Pp. 106–113. [in Russian]
- [Kappeler, 2003](#) — *Kappeler A.* (2003). Yuzhny i vostochny *frontir* Rossii v XVI–XVIII vekah. [Southern and Eastern frontier of Russia from the 16th through the 18th century]. *Ab Imperio*. № 1. Pp. 47–65. [in Russian]
- [Khodarkovsky, 2002](#) — *Khodarkovsky M.* (2002). Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington–Indianapolis. XIV, 290 p.
- [Kitinov, 2016](#) — *Kitinov B.* (2016). Shakur Lama: The last attempt to build the Buddhist State// Buddhism in Mongolian History, Culture and Society. Ed. by Vesna A. Wallace. New York. Pp. 37–52.
- [Le Donne, 2002](#) — *Le Donne* (2002). John P. Michael Khodarkovsky, "Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500–1800". Bloomington–Indianapolis, Indiana University Press, 2002, 290 p. and maps. *Cahiers du monde russe*. 43/4. Pp. 763–765.
- [Leont'eva, 2012](#) — *Leont'eva O.B.* (2012). Natsional'naya i konfessional'naya politika Rossiiskoi imperii v sovremennoi istoriografii. [National and religious policy of the Russian Empire in contemporary historiography]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 8–2 (99). Pp. 27–46. [in Russian]
- [Orlova, 2006](#) — *Orlova K.V.* (2006). Istoriya hristianizatsii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v. [The history of the Christianization of Kalmyks: from the mid of the 17th through the beginning of the 20th century] Moscow. 205 p. [in Russian]
- [PSZ](#) — Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire] Saint-Petersburg, 1830. Vol. 12 (1744–1748). 960, I p. [in Russian]
- [Russia's Orient, 1997](#) — *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* (1997). Ed. by D. Brower and E. J. Lazzarini. Bloomington. 368 p.
- [Ryazhev, 2012a](#) — *Ryazhev A.S.* (2012). Komandnyi sostav Stavropol'skogo kalmytskogo voiska v voennoi i veroispovednoi politike gosudarstva: ot Semiletnei voiny do epohi 1812 g. [The command staff of the Stavropol Kalmyk host in the military and religious policy of the state: from the Seven Years War to the era of 1812]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. № 2. Pp. 27–32. [in Russian]
- [Ryazhev, 2012b](#) — *Ryazhev A.S.* (2012). Stavropol'skoe kalmytskoe voisko (1737–1843 gg.): opyt izucheniya novykh istochnikov [The Stavropol Kalmyk host, 1737–1843: experience of studying new sources]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. № 3. Pp. 13–18. [in Russian]
- [Ryazhev, 2016](#) — *Ryazhev A.S.* (2016). Sud'ba pečati kalmytskogo hana: etnokonfessional'nye protsessy na yugo-vostoke Rossii v 30–60-e gg. XVIII v. [The fate of the Kalmyk Khan's seal: ethno-confessional processes in the South-East of Russia in the 30s. – 60s. of the 18th century]. *Magna adurguit: historia studiorum*. № 1. Pp. 50–60. [in Russian]
- [Sunderland, 2004](#) — *Sunderland, W.* (2004). Taming the wild field: colonization and Empire on the Russian steppe. Ithaca; London. XVII, 239 p.
- [Volzhskie..., 2011](#) — *Volzhskie stavropolskie kalmyki: seredina 30-h gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy, T. 1. Stavropolskoe kalmytskoe voisko v seredine 30-h – 60-e gg. XVIII v.* [The Volga Stavropol Kalmyks: From the mid-1730s through the first half of the 19th century. Documents and materials. Vol. 1. The Stavropol Kalmyk host from the mid-1730s through 1760s] Rostov-na-Donu, 2011. 320 p. [in Russian]
- [Zutis, 1946](#) — *Zutis Ya.Ya.* (1946). Ostzeiskii vopros v XVIII veke [Ostsee/Baltic issue in the 18th century]. Riga. 649 p. [in Russian]

Традиции служилой группы в материалах следствия 1746 г. о (не)крещеном калмыке: опыт социального регулирования в Российской империи

Андрей Сергеевич Ряжев ^{а, *}

^а Калмыцкий научный центр Российской академии наук, отдел истории, археологии и этнологии, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена политике государства применительно к новым (возникшим в 30–40-е гг. XVIII в.) служилым слоям, особенно в заключительные годы пребывания на троне Анны Иоанновны и первую половину правления Елизаветы Петровны. Впервые в историографии изучена регулятивная роль социальной политики Российской империи раннего Нового времени, влиявшая на внутреннюю ситуацию в этноконфессиональных группах. Исследование базируется на материалах истории одной из крупнейших таких групп в изучаемые годы – волжских ставропольских калмыков, во многом остающихся неизвестными по сей день. На богатой основе источников в статье обозначен процесс становления Ставропольского калмыцкого войска в результате перехода части калмыцкой верхушки во главе с тайшей Баксадаем Доржи – князем П.П. Тайшиным – в православие, прослежено крещение и включение в войско видных представителей калмыцкой аристократии и их окружения. Наибольшее внимание уделено характеристике общественных отношений среди крещеных калмыков, показано сохранение традиционных норм и обязательств верхов и низов общества. Выявлена поддержка сложившегося социального уклада российскими властями, ориентированными на защиту привилегий знати независимо от ее конфессиональной принадлежности. В итоге автор констатирует, что смена исповедания не затрагивала социального статуса аристократов-новокрещеных и не нарушала их прежних связей, в результате крещеная и некрещеная части калмыцкой знати на равных, без антагонизма, сосуществовали в рамках комплекса обязанностей, подкрепленного вероисповедной политикой и служившего базой имперской военно-политической системы.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, князь П.П. Тайшин (тайша Баксадай Доржи), служилые сословия, этноконфессиональные группы, Ставропольское калмыцкое войско, социальные отношения, вероисповедная политика.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)